

Александр Серафимович

На позиции

Серафимович Александр

На позиции

Александр Серафимович СЕРАФИМОВИЧ НА ПОЗИЦИИ

Рассказ

В Москве все иначе кажется, чем на самом деле.

Вот я подъезжаю к передовым позициям. Глаз ищет окопов, ищет какой-то черты, которая отделяет нас от врага. Ухо напряженно старается поймать короткие и тупые в морозе выстрелы винтовок.

Но стоит зимняя тишина, и белый снег не зачернен ни одним пятнышком.

Деревня. Ребятишки катаются на салазках. Баба с ведром. Медлительно идет с водопоя корова, и у губ ее намерзли сосульки. Предвечерний дым медленно тянется из деревенских труб над соломенными крышами.

Это - передовые позиции.

Странно.

Над деревней вправо и влево тянутся горы. Высотой - примерно в три раза выше Воробьевых гор.

Они молча голо белеют снегами. Только влево по бокам чернеет мертвый зимний лес.

И мне чувствуется таящаяся угроза в их тяже-

лом белом перевале - там начинается враждебная сторона.

Штаб бригады приютился около церкви в поповском доме. Попу отвели комнату, а сами заняли две.

Вхожу. Прихожая вся набита красноармейцами: ждут поручений.

Крохотная комнатка почти вся занята поставленным посредине кухонным просаленным столом. На нем самовар, валяются яичная скорлупа, куски хлеба, сахара, зачитанная книжка. На маленьком столе, в углу, телефонные аппараты.

В другой комнате, чуть побольше, на столе карты, бумаги, пакеты, а на полу юзжит щенок, оставляя после себя следы.

И, странно все это освещая и придавая гробовой вид, мерцают приклеенные по три к столам тоненькие желтеющие восковые свечи.

Нет керосина, у попа набрали церковных свечей.

Присматриваюсь: на кровати сидит командир бригады, о чем-то резонится с политическим комиссаром.

У политического комиссара серьезное молодое исхудалое рабочее лицо. Он в первых рядах, с винтовкой в руке дрался во всех боях. Судьба и карьера бригадного в его руках, и комиссар своим спокойным лицом как бы говорит: "Ну, побалуйся, побалуйся, молод еще".

Бригадный еще совсем мальчуган с детскими глазами; чуть закудрявилась черная бородка. Это он, когда в страшной панике бежала соседняя дивизия, со своей бригадой все время давал отпор изо всех сил заседавшему врагу, вывел из-под удара обозы, артиллерию.

Он - из аристократической семьи, бывший офицер.

Садимся вокруг стола за самовар.

Меня забрасывают вопросами:

- Ну что, как в Москве? Каково настроение? Как идет работа? Чего ждут?

Я рассказываю, и меня жадно, не моргнув, слушают. Все сердца, все помыслы тянутся к красной Москве, к красному Петрограду.

Кто-то тянет тоненьким цыплячьим голосом: "Пи-и-и... пи-пи-пи... пи-и-и..."

Начальник связи подымается, берет трубку - это телефон пищит. У полевых телефонов

нет звонков, а пищики, чтоб не слышно было в поле, например.

- Штаб бригады. Хорошо, пришлем.

И опять садится к нам.

Мы настойчиво опустошаем самовар.

У зазевавшихся из-под носу утаскивают чашки, кружки: не хватает посуды.

Сыплются шутки, остроты, взрывами смех.

И поминутно входят красноармейцы, с красными морозными лицами; не снимая пушисто занесенной снегом папахи, подают пакеты ординарцы.

Тогда кто-нибудь встает из-за стола, берет пакет.

Лицо делается крепким, замкнутым. Читает. Подает другой пакет или отдает словесное распоряжение.

Входит красноармеец с милым юношеским лицом, а глаза с промерзшими ресницами отяжелели и померкли - печать усталости.

Ординарец.

Он говорит, по-детски улыбаясь:

- Устал, очень устал, и лошадь заморилась - целый день не слезаю. Ежели пакет не срочный, нельзя ли до завтра, утром отвезу?

Бригадный держит пакет.

- Не срочный.

Потом опускает глаза и секунду взвешивает. И, подняв, твердо говорит:

- Нет, надо доставить сейчас. Черт его знает, что за ночь произойдет, - к утру, может, и не доберешься до деревни. - И добавляет ласково: Завтра отоспишься.

Юноша сразу меняется, лицо становится крепким, берет пакет, и за черным окном я слышу морозно-скрипучий, удаляющийся лошадиный скак.

А у меня легко и радостно на сердце. Встанет далекая Галиция. Приходилось бывать в штабах. Да ведь там - боги. Смел ли подумать усталый ординарец войти к бригадному и сказать: "Я устал".

А этот сказал. Но когда ответили: "Надо доставить", он доставит, хоть мертвый.

А меня по-прежнему всё тормозат насчет Москвы, но я даром не даюсь и сам стараюсь выудить из них все об их жизни.

- Да что, у нас дело ладится, хоть сейчас в наступление. Потрепали наш левый фланг, но теперь эта дивизия окрепла, опять будет

драться, как и прежде. Вот горе только, обижают нас газетами. Редко получаем, и разрозненные номера. Почему не наладят, не знаем. Художественной литературы нету совсем; не томами, их некогда читать, а маленькими книжками - огромная нужда, все красноармейцы спрашивают - нет, не присылают, забыли нас. А еще вот у нас самое главное: нету почты и табаку. За щепотку махорки жизнь готовы отдать. А вот полевой почты нет, это очень тяжело и развращающе действует на красноармейцев.

- Как так?

- А так. Красноармейцы говорят: жалованье получаем, тратить некуда, накопишь, вот бы послал домой, знаешь - нужда там, а без почты как пошлешь? Ну, носишь, носишь с собой. Иные просто говорят, не вмоготу делается, не могут с собой постоянно деньги носить, свербит у них - ну, и начнут в карты, все и продуют, азарт идет. За самогонкой начинают охотиться. А будь почта, отослал бы, и хорошо. Наконец, тоскуют без писем, ведь тоже люди: у кого жена, у кого невеста, сестра, мать, брат, отец - не звери. Ни они об нас ни-

чего не знают, ни мы об них ничего не знаем. Красноармейцы говорят: "Убавьте у нас половину хлеба, совсем не давайте мяса, только дайте полевую почту да табак". Знаете, тут такое огромное душевное напряжение, так все натянуто внутри, что покурить - единственное средство хоть немножко ослабить эту напряженность, хоть немного отвлечься.

Я достаю захваченные два последних номера журнала "Творчество". Как же все кинулись! С какой ласковой нежностью стали рассматривать рисунки, заглавия статей.

Комнатушка набилась полным-полна красноармейцами, которые немилосердно жали друг друга, вытягивая шеи. Штаб вытеснили в соседнюю комнату.

Я прочел из журнала стихотворение:

Не верь тишине, второй роты дозор,

Здесь все начеку: пуля, ухо и взор.

Все были в восторге. Вся комнатка наполнилась гомоном:

- Это про нас.

- Ловко!

- Здорово!

- "Все начеку: пуля, ухо, глаза..."

- Чего ж нам не присылают журналов?

- Забытый мы народ...

Сюда совершенно не шлют журналов: нет ни "Пламени", ни петроградских, ни провинциальных.

Кто-то не позаботился об этом.

Журнал пошел по рукам. Мы снова садимся за самовар.

И опять смех, шутки, остроты.

Поет поминутно телефон. Юзжит щенок. Тесно, накурено и сквозь махорочный дым по-погребальному тускло светят по три желтые церковные свечи.

Кажется, будто легко, весело и беззаботно в этой низенькой, тесненькой комнатке, и то и дело вырывается молодой смех, и не заметно особой важности и тяжести работы. А на самом деле здесь сосредоточена жизнь целого боевого участка, и малейшая ошибка, промедление или промах грозят всей армии.

И у этой внешне беззаботной и смеющейся молодежи постоянно напряженно в душе, как натянутая тетива. Тут нет восьмичасового и шестнадцатичасового рабочего дня. Тут все двадцать четыре часа наполняют душу непре-

рывным напряжением, все двадцать четыре часа работа.

Ложатся спать одетыми, с револьверами в головах. И поминутно поющие день и ночь телефоны поднимают то одного, то другого.

- Одиночный пушечный выстрел? Хорошо. С которой стороны? Хорошо. Сейчас пошлем разезд.

- Тревога? Кто бегаёт? Какие солдаты? Это - провокаторы. Непременно арестовать.

- Показались подозрительные? Послать разезды в тыл, чтоб захватить. Я сам сейчас буду.

Телефон без умолку пищит, то из штаба, то в штаб из самых разнообразных концов. Поминутно из штаба бригады вызывают штабы полков, рот, мелких частей, просто чтоб проверить, работает ли телефон.

И самое грозное, самая большая тревога в тесной дымной комнатке, когда телефон в каком-нибудь направлении молчит. Значит, оборван провод, значит, часть изолирована, предоставлена самой себе, и врагу ее легко расстрелять.

Сейчас же туда посылаются конные и по-

сылается отряд телефонистов, ночью ли, днем ли, в бурю, в снег, в мороз, для восстановления сети.

А сеть, как паутина, протянувшаяся по всему фронту и в тыл по всем направлениям, постоянно разрывается.

То крестьянин срежет аршина полтора кабеля "на кнутик", то едет, зацепит колесом обвисший с ветвей кабель и начнет наворачивать. Навертит огромный ком, с полверсты, провода, добросовестно заедет в штаб и скажет, показывая на колесо:

- А который у вас тут ниточками заведует? Вишь, навернуло на колесо. Чать, нужно вам! Еще пригодится.

Его готовы убить, да что возьмешь с дурака!

Но чаще всего режут кабель кулаки. Эти режут неуловимо, осторожно, на большом расстоянии, а концы далеко заносят в лес, и трудно отыскивать для восстановления.

Оттого-то поминутно пищит телефон, и, когда замолчит, воцаряется в тесной комнатке тревога.

Утром мы идем на позицию.

Где же она? Да вот это же и есть позиция. Деревня, где мы спали с револьверами под головами, и эта молчаливая снежная гора, и морозная степь, что протянулась до самого края, где синее мутный морозный туман.

Где же враг?

Нигде и везде.

Степь и безлюдна и пустынна, и нигде не чернеется ничего живого.

Не верь тишине, второй роты дозор...

Каждую минуту может пропищать в штабе телефон:

- Налево против урочища показался конный отряд.

И сейчас же по всей сети, по всем частям, по всем штабам запищат телефоны:

- В ружье! Приготовить орудия! Полуэскадроны, в обход!..

Или зловещим цыплячьим голосом пропищит ночью телефон:

- В двух верстах в деревню врубилась полусотня казаков.

И опять все на ногах.

Снова смотрю на пустынную, крепко схваченную синееющим морозом степь: где же по-

зиция?

Бригадный с красным полудетским лицом объясняет, показывая замерзшей рукой:

- Позиция - в деревне и вот тут, где мы стоим. Днем здесь оставляются только наблюдатели. Они сидят на колокольнях, на мечетях или на верхушке горы и зорко смотрят. От них телефон. Ночью же в крайних избах по деревне и в соседних деревнях располагаются заставы. Человек тридцать, сорок, пятьдесят, смотря по обстановке. Они спят не раздеваясь, с винтовками в руках. Как только караул впереди по телефону даст знать тревогу и начнет отходить, они выбегают, вступают в бой. Их назначение - сколько возможно задержать неприятеля, пока подтянутся главные силы. Впереди заставы ночью ставится полевой караул, это уже в степи. От полевого караула, дальше, вилкой, саженьях в ста, - два секрета по два, по три человека, и от всех тянется назад телефон. Между караулами вдоль линии поставлены патрули и разъезды. Эта система тянется по всему фронту. Получается живая, подвижная, чуткая, непрерывная завеса. Вы видите, это совсем не то, что позицион-

ная война.

Да, я в Москве представлял себе все иначе.

- Особенно тяжело в караулах и секретах. Приходится менять людей через каждые полчаса, двадцать минут. Здесь такие лютые ветры с морозом, что люди больше не выдерживают. Стоит, обняв заколелыми руками винтовку, и стрелять не в состоянии - пальцы не разгибаются. А какое огромное напряжение! Солдаты понимают - чуть тут недосмотрел, сзади все погибнет. А ведь в морозный ветер, в студеную ночную темь, в метель враг может подобраться, перерезать кабель, снять караул и ринуться на деревню. Поэтому все душевные силы напряжены до крайности, до предела. Ничто живое тут не пропустится. Послали ночью телефонистов восстановить телефон. Как только их фигуры смутно замаячили в темноте, караул крикнул:

- Отзыв?

Они крикнули:

- Граната.

И сейчас же загрели выстрелы - отзыв был "ударник". Перепутали.

Телефонисты бежать, бросили кабель, ап-

параты. Один был ранен. Прибежали в штаб, а в штабе им сурово:

- Немедленно восстановить телефон!

Взяли настоящий отзыв и опять пошли в морозную, грозную темноту, быть может, опять на расстрел, если крикнут недостаточно громко отзыв или там недослышат.

Я ложусь в крепко натопленной крестьянской избе на скрипучую кровать с клопами. В соседней комнате детишки посвистывают носиками. Шуршат тараканы. Рядом со мной храпит на кровати командир.

На полу в разных направлениях спят работники политического отдела.

Каждый из них, ложась, клал под голову револьвер. Кладу и я.

Погас огонь. В темноте лицо начинают щекотно покусывать тараканы.

Как бы еще в ухо не забрались. Я мну бу-мажку и затыкаю оба уха.

И сейчас же, как ключ ко дну, опускаюсь в черный, все забывающий сон.

1918